

БАРХАТНАЯ КИБИТКА

ПАВЕЛ ПЕППЕРШТЕЙН

БАРХАТНАЯ КИБИТКА

(роман о детстве)

Издательство
«Альпина нон-фикшн»
Москва, 2023

альпина
ПРОЗА

УДК 821.161.1-312.6
ББК 84(2=411)6-444
П25

Дизайн обложки создан ППСС

Текст публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации

Пепперштейн П.

П25 Бархатная кибитка : Роман о детстве / Павел Пепперштейн. — М. : Альпина нон-фикшн, 2023. — 646 с.

ISBN 978-5-00139-671-0

«Бархатная кибитка» — новый роман Павла Пепперштейна, на первый взгляд посвященный описанию собственного детства. На самом деле этот роман представляет собою опыт изучения детства как культурного феномена. Различные типы детств и отрочеств (английское детство, французское, позднесоветское, русско-дворянское, скандинавское) так или иначе появляются в этом повествовании. Детство осторожно крадется по тонкой линии между мирами. В том числе между мирами литературных традиций и пространством литературного эксперимента. В последних главах выясняется, что роман представляет собой испытание нового жанра, которому автор присвоил название «эйфорический детектив».

«Вообще-то я задумал роман о детстве.

О детстве? О моем, что ли, детстве? О детстве человека, блуждающего по соленым приморским краям под вымышленным именем Кай Нильский?

Или же о детстве некоего Пепперштейна? Или о детстве некоего Паши Пивоварова? Или о детских годах некоего Петра Петербурга? Или о детстве школьника Карла?

Или о детстве мальчиков-эдельвейсов и девочек-люверс? Или о так называемом позднесоветском детстве? Или же о детстве вообще, о феномене детства? Или же о некоем существе среднего рода по имени Детство? Куда, кстати, ушло оно? К ребятам по соседству, где каждый день кино? Да никуда оно не ушло. У нас и сейчас кино. Некоторые фильмы мы вам даже покажем — из числа тех, которые принято смотреть с закрытыми глазами».

УДК 821.161.1-312.6
ББК 84(2=411)6-444

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tuilib@alпина.ru

ISBN 978-5-00139-671-0

© П. Пепперштейн, 2023
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

Содержание

<i>Глава первая.</i> Роман на море	13
<i>Глава вторая.</i> Около молока	31
<i>Глава третья.</i> Double childhood	43
<i>Глава четвертая.</i> Стремление к синему домику	45
<i>Глава пятая.</i> Весы	48
<i>Глава шестая.</i> Вещи	54
<i>Глава седьмая.</i> Призрак мечты	58
<i>Глава восьмая.</i> Стихи и рисунки моей мамы	67
<i>Глава девятая.</i> Социализация в детских коллективах	73
<i>Глава десятая.</i> Детские страхи	111
<i>Глава одиннадцатая.</i> Поезд в рай	118
<i>Глава двенадцатая.</i> Бессмертный Гарри	137
<i>Глава тринадцатая.</i> Ночью	143
<i>Глава четырнадцатая.</i> Степан	147
<i>Глава пятнадцатая.</i> Диван	154
<i>Глава шестнадцатая.</i> История дождевой капли	158
<i>Глава семнадцатая.</i> Доплыть до платформы	165
<i>Глава восемнадцатая.</i> Иностранцы	169
<i>Глава девятнадцатая.</i> Вымышленные иностранцы	180
<i>Глава двадцатая.</i> Торт	186
<i>Глава двадцать первая.</i> Животные	196
<i>Глава двадцать вторая.</i> Кенгуру	226
<i>Глава двадцать третья.</i> Я — Бо-Пиш	228
<i>Глава двадцать четвертая.</i> Место силы	233
<i>Глава двадцать пятая.</i> Белая ночная бабочка	240
<i>Глава двадцать шестая.</i> Случай в монастыре	244
<i>Глава двадцать седьмая.</i> Библейская долина	248
<i>Глава двадцать восьмая.</i> Лицо паука	260
<i>Глава двадцать девятая.</i> Ветер	271

<i>Глава тридцатая. Деньги. Орел и змея</i>	281
<i>Глава тридцать первая. Кружок Юрия Матвеевича</i>	301
<i>Глава тридцать вторая. Переделкино</i>	311
<i>Глава тридцать третья. Импровизированное эссе</i>	327
<i>Глава тридцать четвертая. Собака и овощи</i>	332
<i>Глава тридцать пятая. Медиум и сомнамбула</i>	336
<i>Глава тридцать шестая. Охотник</i>	386
<i>Глава тридцать седьмая. Сестры Берг</i>	389
<i>Глава тридцать восьмая. Мой четвероногий друг</i>	405
<i>Глава тридцать девятая. Дегтярный переулочек</i>	417
<i>Глава сороковая. Массонская ложа</i>	452
<i>Глава сорок первая. Заходер</i>	457
<i>Глава сорок вторая. Второе детство</i>	477
<i>Глава сорок третья. Меланхолия в детской коммунистической сказке</i>	491
<i>Глава сорок четвертая. Хитрый портняжка</i>	499
<i>Глава сорок пятая. Маленькое красное солнышко</i>	524
<i>Глава сорок шестая. Пражские персонажи</i>	532
<i>Глава сорок седьмая. Старая граница</i>	562
<i>Глава сорок восьмая. Два письма из Праги</i>	567
<i>Глава сорок девятая. Как стать поэтом</i>	573
<i>Глава пятидесятая. Прощание с Брежневым</i>	577
<i>Глава пятьдесят первая. Сватовство майора</i>	582
<i>Глава пятьдесят вторая. Пустое «я»</i>	594
<i>Глава пятьдесят третья. Спаси!</i>	602
<i>Глава пятьдесят четвертая. Наполеон</i>	608
<i>Глава пятьдесят пятая. Бирюзовый американец</i>	612
<i>Глава пятьдесят шестая. Эйфорический детектив</i>	615
<i>Глава пятьдесят седьмая. История триумфальной арки</i>	627
<i>Глава пятьдесят восьмая. Начала</i>	642

В уголке за бочкой
Мы нашли щеночка
Он ко всем ласкается
Лаем заливается
Тяв-тяв
Тяв-тяв
Тяв-тяв, тяв-тяв, тяв-тяв!

Детсадовская песенка

*Посвящаю любимой Соне, которой я рассказывал
все эти истории, прежде чем их записать*

*Автор сердечно благодарит
Соню Стереостырски и Наташу Норд
за деятельное участие в создании этого романа*

Глава первая

Роман на море

Я не мог поверить своему счастью. Конечно, как у настоящего агента из американских фильмов, мое бледное лицо не выражало и тени радости — спокойствие и легкая усталость застыли на моем лице. Но внутри меня все ликовало.

Моя радость напоминала бинокль, которым пользуются без определенной цели, просто ради ленивой и беспечной забавы. И в награду за эту бесцельность бинокль моей радости дарил мне то фрагмент далекой зеленой волны, то серую угрюмую белку на кривой ветке, то белую занавеску в окне отеля, где мне предстояло, как я полагал, провести беспечный месяц приморской, вольной и отдохновенной жизни. Я гадал, подходя к отелю: не на окне ли моей будущей комнаты развевается эта белая занавеска, словно флаг блаженного поражения — флаг, который ветер превращал то в пузырь, то в ангельское крыло?

К отелю, словно бы сконфуженно сложенному из кубиков искрящегося сахара, прилепилось темное кафе в форме поросли бревенчатых теремов. Лукоморные письма над входом сообщали название кафе — «Степан». В «Степане»

царствовало безлюдье, только ветер катал по поверхности деревянных столов круглые и клейкие шишки кипарисов и длинные сосновые иглы.

Войдя в отель, я нашептал на ушко пригожей девушке, что на мое имя зарезервирован номер. За это признание меня наградили ключом, но я не отправился осматривать свою белоснежную каморку, желая отложить это удовольствие до ранних сумерек. Вместо этого я вышел на просторную веранду отеля. Мне хотелось, чтобы горечь кофе сообщила дополнительную сладость минуте моего прибытия в это вожаделенное место.

Веранда отеля напоминала палубу корабля, украшенную по центру бассейном: палуба висела высоко над морем, и отсюда открывался волнующий вид на далекие скалы, на изумрудно-синий простор, где местами белели яхты.

В самом конце веранды-палубы, в месте, соответствующем носу корабля (если бы это был корабль, а не отель), я заметил темную фигуру, закутанную в плед. Кажется, старик — очень высокий, худой, иссохший, далеко вытянувший вперед свои длинные, тощие ноги. Он внимательно смотрел на море, но походил не столько на старого моряка, сколько на древнего индейца чироки — совершенно лысый, смуглый, с вытянутым черепом. Свои узкие витиеватые пальцы он сплел в подобие башенки, а на верхушку этой башенки поместил свой острый, изогнутый подбородок, придающий его лицу сходство с месяцем, каким его вышивают на детских подушках.

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана —
Буду резать, буду бить,
Все равно тебе водить.

Издадека доносилась музыка. Некий голос пел песенку.

Плановая, плановая,
Симпатичная такая,

Стройная девчонка из Баку.
Будет мне ночами сниться
Та восточная царица
В темно-фиолетовом дыму...

Ночью, в своей узкой комнате, где белая занавеска продолжала плескаться за окном, сдаваясь ночи с той же охотой, с какой она сдавалась ясному смолистому дню, я время от времени просыпался, продолжая напевать эту сладкую бедовую песенку. Но слова искажались полусном, и вот уже являлся передо мной белоснежный зайчишка из Баку по прозвищу Шюбка Белый, скачущий под лиловыми сводами дворца, богатого гигантскими изваяниями, изображающими полунагих дев, застывших в самых непристойных позах с самыми невинными лицами. Дворец принадлежал окаменевшему Шалтаю-Болтаю: это безликое мраморное яйцо, увенчанное многоступенчатой короной, восседало на троне в центре наиболее гигантской из зал, а здесь каждая зала блистала не столько зеркалами и позолотой, сколько оголтелым и беспочвенным гигантизмом.

Просыпался я много раз, пока наконец не увидел светозарное утро.

За завтраком в отеле оказалось весьмалюдно.

— Конференция! — кратко крикнула мне ликующая официантка, словно бы это слово могло все объяснить и в то же время внушить бездонную радость.

Царствовала действительно праздничная и почти детская атмосфера. Впрочем, в атмосфере этой присутствовало нечто сумасшедшее.

Я кое-что слышал уже о конференции. Когда я позвонил в этот отель из того далекого города, откуда имел счастье затем сбежать, мне, в ответ на мою просьбу зарезервировать комнату на мое имя, сообщили, что я чрезвычайный удачник — в отеле имеется единственная свободная комната. Все прочие номера

заняты по вине конференции. Я увидел сразу множество людей, которые радостно галдели, сидя за столиками, — все они были молоды, нарядны, предельно оживлены. Их объединяла какая-то бешеная и явно только что родившаяся любовь друг к другу. Широкие улыбки сияли на округлых славянских лицах, покрытых свежим приморским загаром. И среди этих славянских лиц, словно камень среди яблок, выделялось лицо американца — спокойное, серьезное, удлиненное, наделенное светлыми нейтральными очами. Это был субъект лет тридцати, сидевший чрезвычайно прямо и скромно, улыбаясь не вполне американской улыбкой — одними лишь уголками губ. Этот иноземец каким-то образом являлся эпицентром царившего здесь восторга, но мысли мои занимал не он, а тот старик, которого я видел утром на веранде. И о старике спросил я юную официантку.

— Тот господин с необычайно длинными ногами, витыми пальцами и лицом индейца — тот, что вчера сидел на веранде в час моего прибытия сюда, — он тоже делегат этой конференции?

Официантка округлила свои зеленоватые глаза и стала уверять меня, что никакого индейского старика здесь не видела.

Ничего не добившись от зеленоглазой, счастливой, загорелой официантки, я скромно ожидал свой завтрак.

Вокруг плескался гомон участников конференции, которые вели себя все загадочнее. Растроганные участники теперь сидели, держась за руки, образуя замкнутый круг. Они по очереди произносили восторженные слова. Одна опаленная солнцем женщина в легком летнем платье даже расплакалась. Все они были счастливы до конца своих дней, что встретились друг с другом, что узнали друг друга. Слова благодарности, признания в любви звучали ежеминутно. Делегаты все крепче держались за руки, их переполняли светлые чувства. Мне показалось на мгновение, что в мой кофе прекрасная официантка капнула несколько капель могучего эйфоретика. Меня окружали счастливые и сумасшедшие люди, которые, казалось, в порыве бешеной страсти друг к другу сейчас сорвут с себя

одежды и сольются в единое тело — беспрестанно совокупляющееся само с собой существо.

Развешенные на стенах самодельные плакаты с пронзенными сердцами, румяные лица участников — все это напоминало экзальтированный детский сад. Или же секту, которую спонсирует американское правительство, — очень уж подозрительно выглядел тихий американец, главный организатор этого экстаза. Он, единственный, ничего не произносил и, молча, обнимался и целовался со всеми.

Я прервал свои наблюдения, когда мне принесли белоснежное творожное сердце, апельсиновый сок и кофе. Питаюсь, я думаю только о русалках.

Я думаю о русалках, об их мокрых хвостах, о переливающихся на солнце чешуйках. И в честь русалок, во славу их жемчужных сердец, я съедаю на завтрак белоснежный творог в форме сердца, украшенного сладкой мятой.

А после я отправился на пляж. Мне не терпелось зависнуть в йодистой невесомости. Я осуществил свое желание, а после замер на берегу. Солнце заволокло серебристыми облаками. Все вокруг таяло в переливах серо-синего сияния — небо, скалы, галька и даже моя одежда. Моя светло-серая рубашка и штаны цвета свинцовой тучи.

Я прилег поудобнее и, кажется, уснул.

Мне приснились сосновые леса, где прятались саблезубые кони, — стоя ли, стадо ли, табун ли белых коней чуть мерцал под темными кронами. Мне также привиделись два маленьких жирафа — они медленно шли по мягким, пуховым облакам, что сползали с гор. Как неуверенна была их поступь! Как часто они спотыкались!

Когда я проснулся, на небе светило яркое солнце, а неподалеку от меня сидела в задумчивости юная девушка, которая только что вышла из моря. Так я решил, глядя на ее мокрые волосы, роняющие прозрачные соленые капли.

Иногда я бываю крайне скован. Порою неожиданное детское оцепенение охватывает меня, препятствуя моей щенячьей тяге к общению. И в такие минуты я напоминаю себе шкафчик, выпавший из окна. Но в иные мгновенья я не обнаруживаю в своей душе никаких препятствий, которые могли бы помешать мне поболтать с незнакомым человеком. Солнечный луч, прямолинейно упавший на светло-серые камни, помог мне обратиться к девушке со следующими словами:

— Знаете ли, я родился в довольно странном доме. Этот дом был по-своему красив, но в темноте всегда казался воплощением уродства тем нахохленным прохвостом, что торопливо пробегали мимо по длинной улице моего детства, которая пасмурно стекала к монументу, изображающему голую царевну, некогда отказавшуюся от короны ради спасения своего народа. Ее мраморное лицо представляется мне в данный момент поразительно похожим на ваше.

Девушка ответила мне лучезарной улыбкой. Все смеялось и хохотало в ее морских глазах, и ее отрешенно-радостное личико отрекающейся царевны (не столько мраморное, сколько фарфоровое, если иметь в виду, скажем, полную морской водой китайскую чашку, сделанную словно бы из свернутого листа полупрозрачной бумаги), все это личико излучало беспечное сияние.

Я не сразу уловил смысл произнесенных ею слов, отвлеченный щедро плещущим потоком ее счастья, но затем значение сказанного дошло до меня.

То, что она произнесла, не вполне сочеталось с весельем ее лица.

— Все царевны давно расстреляны, даже те, что отреклись, — заявила она, улыбаясь чуть ли не до ушей. — Вам, наверное, голову вскружила красота наших мест. А между тем здесь происходят необъяснимые убийства. За последний месяц — пять человек. Сначала убили Сигурдова, а Сигурдов кому мешал? Живой был субъект, пока был живой. Жирный, краснощекий, приставучий, шумный. Такие люди всех слегка раздражают, но, по сути, никому не мешают.

Затем Подъяченко. Незаметный, словно бы стертый ластиком, а тут его еще и убили! Зачем, спрашивается? И кто? Потом обнаружили Александрову. Ну да, Жанночку Александрову. Эта особа тоже всех раздражала, но не настолько же, чтобы убивать? Затем Симмонс. Буян, задира, согласна. Гневный клоун. И вот его нет, этого паяца. Ну а потом Игорь Ильин. Игорь был человек почти святой, на таких только самый отъявленный негодяй может руку поднять. Может быть, вы ненароком раскроете тайну этих убийств, мистер Шерлок Холмс?

— Я не Шерлок Холмс. Ненавижу преступления. Преступления и преступники скучны до тошноты. Детективный жанр являет собой нечто вроде театра психических заболеваний: шизофреник идет по следам психопата, и все это разворачивается на электрическом фоне паранойи.

— А вы, значит, образец психического здоровья?

— Не знаю, я не думал об этом. С чего это вы назвали меня Шерлоком Холмсом?

— Вы не представились, так что я могу называть вас как угодно.

— Меня зовут Кай Нильский.

— Какое разочарование! А я-то думала, что вас зовут Шерлок Холмс и вы тот самый редкостный экземпляр Холмса, что ненавидит преступления и расследования.

— Так и быть, ради ваших прекрасных глаз я разгадаю загадку этих пяти убийств, что так вас волнуют. Тот, кто убил их, видимо, сам нуждается в помощи или ищет спасения. Скорее всего, этот человек желал подать сигнал. Имена убитых — Сигурдов, Подъяченко, Александрова, Симмонс, Ильин. Первые буквы их имен складываются в слово СПАСИ. Это призыв, если я правильно понимаю.

Девушка встала и взглянула на меня сверху уже без улыбки.

— Слава Богу, к нам с неба упал проницательный господин. У нас тут все есть, одного только не доставало — проницательного господина. Загадка была простая. Убийства я выдумала,

но люди реальны — все они живы, и, думаю, вам придется узнать их всех поближе. И вот что я вам скажу — они живы, но они крайне опасны. И лучше бы им умереть. Не думайте, что это просто-напросто пять оригиналов курорта. Увы, все не так лучезарно. Было бы неплохо, было бы просто чудесно, если бы кто-нибудь — например, вы, — убил их. Но вы не любите преступления. — Девушка усмехнулась и убежала, мгновенно исчезнув за деревьями.

Я проводил ее взглядом и даже как-то не успел удивиться этому неожиданному разговору — другое дело захватило меня: мокрым пальцем я рисовал на узкой полосе серого песка изогнутого змея, свившегося множеством колец.

Что ж ты, змей, такой ползучий?
Это я на всякий случай.
Ходят по моей дороге
Люди, ангелы и боги.

Только завершив изображение змея, я позволил себе задуматься над словами незнакомой девушки.

Она упрекнула меня, что я не представился, и я назвал свое имя. Впрочем, вымышленное. Но ее имени так и не услышал в ответ.

Люди, чьи имена и краткие характеристики она мне внешне сообщила, реальны, и с ними мне якобы предстоит познакомиться. Я сказал ей, что убийца этих пятерых хотел подать сигнал. Назовем это слабо зашифрованным посланием. Но затем в разговоре сразу же выяснилось, что убийства она выдумала. Значит, именно она стала убийцей этих людей — в сфере воображения или же в сфере лжи (а эти две сферы неотделимы друг от друга) она убила их. Значит, именно она прибегла к слабо зашифрованному посланию. И я сделался адресатом этого послания. Получается, ко мне обратились с призывом о спасении. Ведь если не было убийств и их последовательности, значит, она сама расположила их фамилии

в том порядке, чтобы начальные буквы их фамилий сложились в слово СПАСИ. Неужели она хотела, чтобы я спас ее от чего-то или от кого-то?

«Да... загадочная местность. Наверное, чрезмерно нежный климат сводит людей с ума», — подумалось мне.

Моя серая одежда уже не казалась мне уместной. На синем небе лежало солнце, похожее на сверкающий блин. И этот сверкающий блин пылал, как будто его только что испекла кухарка в раскаленной золотой печи. Мне захотелось убежать в тень, в спасительную тень парков, аллей и утомленных жарой вилл.

Мое лицо напоминает скорее о фараоне, нежели о конунге, хотя во мне и отсутствует та душевная стойкость, которую придает народам близость к Полюсу или к Экватору. Туманные очертания моего духа обеспечены наличием капли славянской крови, которая, по преданию, проистекает от князей Нильских, что в средневековой полутьме якобы охотились в Карпатах, используя вместо собак особенных белоснежных волков, на чьих шеях красовались ошейники с гербами: дрозд, сжимающий в клюве кинжал, сидящий на острие золотой пирамиды. Немало скитался я по Руси, которая когда-то была святой, теперь же... даже не знаю.

Скитаться по святой или несвятой Руси без копейки денег и с иноземным паспортом в кармане — занятие рискованное, если не безумное, но оно, наверное, многому могло бы меня научить. Впрочем, я не извлек никаких уроков, и вскоре мой богатый и юный жизненный опыт вылетел из моей головы.

Мне хотелось начать свой рассказ с моей долгожданной встречи с морем, с тех восторженных взглядов, которые я бросал на его далекие длинные волны, начать с песка и хвои, с йода и соли, но сейчас позволю себе небольшое отступление от прибрежных территорий, чтобы перенестись в горную и холодную местность: роскошную, суровую, богатую соснами и белыми скалами.

Я сбежал из огромного города, о котором нынче уже не имеет смысла говорить, что он похож на ад. Неважно, похож ли он на ад или нет. Важно, что он является адом по своей сути. Я стал предателем этого ада, и мое святое предательство приняло форму поезда — зеленая гусеница, бегущая по сияющим рельсам, поволокла меня сквозь просторы страны, которая мне приходится не матерью, но возлюбленной. Здешние любят ее реки и овраги, как любят морщины на усталом материнском лице, я же люблю эту землю иной любовью: сквозь ее мрачные заброшенные элеваторы, похожие на готические замки, сквозь ее крикливых старух, сквозь ее жирных стражей, одетых в синие униформы, сквозь ее кривые тропы и черные леса проступает мне навстречу бледное личико девочки, швыряющей пригоршни земляники в тяжелые воды магического болотца.

Зачем и за что влюблен я в эту девочку Россию — сам не знаю. Может быть, за наивную песенку, звонко выпеваемую голосом лотосоподобной обитательницы детского сада:

У моей России длинные косички,
У моей России светлые реснички,
У моей России голубые очи,
На меня, Россия, ты похожа очень.

Я ехал на встречу с морем, но должен признаться, что у меня имелось еще одно небольшое дело: порученьице, которое мне надлежало выполнить прежде, чем я смогу всецело отдаться лицемерию волн.

Поэтому, проведя сутки в поезде, следующем по маршруту из ада в рай, я вышел из него, когда до приморских селений оставалось не более двух часов пути. Я вышел на маленьком вокзале, затерянном среди гор. Мой поезд не заметил моего дезертирства и, расставшись со мной, сразу же уполз в старинный туннель, скудно освещенный редкими тюремными фонариками.

Он втянул туда все свои удушливые вагоны, как змей втягивает себя в расщелину скалы, но я не проводил его взглядом — мне не до того было, ведь я словно бы вывалился в открытый космос из нагретой продолговатой утробы, где множество эмбрионов, свежих и ветхих, пили крепкий чай, спали, курили сигареты в железных тамбурах, играли в карты и оцепенело смотрели в окна. Я резко выпал из их сообщества, из их теплой судьбы, и остался один под звездным небом, на пустынной станции среди таинственных горных хребтов.

Я полагал, не случается воздуха столь чистого и холодного. Грандиозный ледяной холод, пронизывающий до костей, царствовал здесь. Все это казалось мне сюрпризом, шуткой (из разряда магических приколов). Ведь я так долго ехал с Севера на Юг!

Трясаясь от холода в своей летней одежде, я вышел на маленькую привокзальную площадь.

Пустая площадь лежала под звездным небом, ровно освещенная темно-желтым светом, переходящим по краям в глубокую тьму. Площадь напоминала старинный портрет, где вдруг исчезло лицо старика, а осталось только одинокое черное такси, спящее в самом центре площади. Я наклонился к приоткрытому окну автомобиля и негромко произнес:

— Поселок Наук.

В автомобиле скрипнула кожаная куртка, воспряло смуглое спящее лицо. Словно вынырнувшее из гробницы личико Чингисхана. И вот мы уже неслись по извилистой дороге, осваиваясь в открытом космосе, где освоиться невозможно. Мертвый Чингисхан молчал за рулем, да я и не смог бы поддерживать беседу, замороженный видом гор, — на их вершинах, словно крепости, торчали светлые скалы, тускло сияющие своей белизной между тьмой неба и тьмой земли.

Ехали мы недолго, и вскоре такси остановилось возле мозаичной стены, на которой было выложено пестрой смальтой: ПОСЕЛОК НАУК. Название выглядело величественно, но чья-то шаловливая и варварская рука двумя лихими

мазками белой и черной краски переделала это название в ПОСЕЛОК ПАУК.

Шутка неизвестного вандала не вызвала у меня ни смеха, ни трепета: я расплатился с императором степей и крупными шагами направился к ближайшему домику коттеджного типа, приветливо мерцающему в ночи своей застекленной верандой.

Домик был крайним в ряду одинаковых коттеджей, построенных где-то в начале пятидесятих годов двадцатого века, — они стояли на равном расстоянии друг от друга, отделенные маленькими рощами высоких нездешних сосен. Каждый из домиков, несмотря на малый их размер, обладал колоннами, арками и портиками, — небольшие жилые храмы, созданные не для верующих, а для замкнутой жизни крошечных богов. Архитектура времен тирании парадоксальным образом дышит не ужасом, но уютом: здесь словно бы затеваются детские интриги сказочного покроя. Отчего в этих строениях, возведенных во времена массового террора и максимальной несвободы, дышится столь легко? Оттого, что нигде не живет так вольно, как в заброшенной тюрьме, где все тюремщики умерли, все решетки сорваны, где все двери выломаны, где все настезь, где все полно тихим тленом плена, становящимся полезным удобрением для диких трав и цветов привольной жизни.

Дисциплинированные империи дают как минимум один полезный урок: свобода живет лишь в тайне, лишь в незаметности, лишь под прикрытием. Если ее заметили, считай — ее уже нет. Под прикрытием задачи научного изучения космоса в этих регулярных сказочных домиках храмового типа долго и буйно произрастала тайная свобода отстегнутых умов, каждый из которых сам являлся космосом — столь же бездонным, сколь и звездное небо над нами.

Я думал о том, что здесь до сих пор проживают разрозненные астрономы, астрофизики или же их астральные тела: осенью здесь полно астр.

Я постучался в стекло веранды. Сразу же внутри кристаллизовалась сухонькая женщина с коротко остриженной седой головушкой.

— Здравствуйте, Елена Борисовна. Я к Нелли, — молвил я сквозь стекло.

Мне открыли.

Елена Борисовна (которую я видел впервые в жизни) проводила меня в теплую комнату, чьи белые стены пестрели живописными полотнами и рисунками в рамах. Словно бы я попал не в жилище астронома, где я ожидал увидеть люк в потолке, телескоп, льва и сушеного крокодила, а в дом художника или же коллекционера живописи.

Елена Борисовна постоянно что-то говорила ровным, быстрым, шелестящим голосом. В основном, она шелестела о каких-то автомобилях, об их свойствах, деталях и нраве. Особенно часто слышалось в ее речи свистящее слово «ниссан». Возможно, она отчего-то решила, что я прибыл в эти края на собственном автотранспорте и что это непременно должен быть «ниссан».

Я не возражал против полусна, в которое меня погружали тепло и праздничность комнаты, яркое освещение, картины на стенах, ледяной космос за этими стенами, стрекот седой женщины и тот длинный диванный овражек, куда я завалился, словно колобок в лисье брюхо. Под мерное жужжанье ее речевого веретена я то и дело засыпал, и снилось мне урывками, что я лежу, запеленутый в татарскую кошму, под звездами, среди скал, и хотя мое сердце сновидца переполняла спокойная радость, но слово «кошма» все же намекало о том, что этот сон — кошмар. Счастливый кошмар, если такое возможно. Еще как возможно! Они возможны и они вельможны, эти счастливые кошмары. Затем мне приснился спящий восточный воин, а рядом с ним женщина с закрытым лицом острила ятаган, готовя спящего к битве.

— А где же Нелли? — прервал я вопросом и жужжанье Елены Борисовны, и свои сны.

— Желаете видеть Нелли? — раздался вдруг в комнате незнакомый, капризный, взбалмошный и крайне веселый голос. — Так вот она я!

Про эту Нелли Орлову я только и знал, что ее имя, да еще что она работает в Обсерватории, изучая небесные светила. Я воображал себе строгую женщину средне-молодых лет, стройную, с античным личиком, в маленьких очках и с отблеском звезд за изогнутыми стеклами этих очков.

Присматриваясь к орехоподобному лицу Елены Борисовны (которой на вид можно было дать лет шестьдесят), я гадал, кем ей приходится Нелли — дочерью, внучкой, младшей сестрой? Но достаточно было увидеть Нелли воочию, чтобы понять — они не родственницы. Нелли Орлова оказалась дамой, перевалившей, должно быть, за восемьдесят, крайне живой, слегка полной, в широких абрикосовых штанах и без очков, хотя звездный свет и вправду обильно скопился в глубине ее мерцающих глазенок.

Стоило ей явиться, как Елена Борисовна замолчала и более не вымолвила ни слова, хотя и не покидала комнаты в течение всего моего визита. Теперь говорила Нелли Орлова. Сразу же стало ясно, кто здесь царица, а кто ее ловчая птица.

— Купаться едете? — звенела Нелли в мой адрес. — Небольшая остановка в горах, но вы-то знаете, что вас ждет побережье, а там тьма укромных мест, где можно ополоснуться нагишом. Я всегда купаюсь голая, трусы душат меня! — И она разразилась бубенчато-кудахчущим смехом.

Я извлек из рюкзака нечто, завернутое в мягкую ткань. Развернув ткань, я достал небольшую шкатулку светлого дерева и поставил ее на стол.

— Вот это просил Вам передать мой отчим, — сказал я. — Вообще-то я никогда не исполняю ничьих поручений, но теперь я собрался надолго покинуть столицу, и, в качестве прощального реверанса, я согласился исполнить его просьбу и завезти вам эту вещь, раз уж мне все равно предстояло проезжать мимо ваших горных урочищ.

Нелли на шкатулку даже не взглянула, хотя я догадывался, что она с трепетом ее ждала. Нечто подсказывало мне, что появление этой вещицы не просто много значит для нее. С прибытием шкатулки нечто должно измениться в ее жизни.

А жизнь эта, вероятно, давно уже текла без изменений, размеренно и бодро струясь между любимым космосом и любимыми абстрактными полотнами в простых рамах. Но Нелли была светской дамой старой формации, она ничем не выдавала своего волнения, а, напротив, продолжала любезно и даже кокетливо болтать:

— Урочища полны чудовищами, вроде нас с Леночкой. Но, знаете ли, от горных духов в урочищах можно получить такой урочище, который потом всю оставшуюся жизнь будет пригождаться и пригождаться. Туманные странники радуют нас уже абстрактно, но я к абстракциям, как видите, неровно дышу. — Она указала на картины. — Рассматривайте, рассматривайте! Там можно найти прелестные девичьи фигурки, спрятанные в складках между треугольниками и квадратами. Подобным образом русалки прячутся меж скал на южном берегу. Много чудесных художников здесь наследило, но что вам за дело до этого? Вы скоро окажетесь в компании прибрежных русалок. Только, знаете ли, русалки бывают не только морские, речные и озерные. Есть еще космические русалки — безводные, безвоздушные. Но об этом — тссс и никаких шу-шу-шу! — Она лукаво приложила палец к бледным сморщенным устам.

Из вежливости я принялся разглядывать полотна. Да, действительно, немало художников тут наследило. Самые различные живописцы, но всех объединял жирный мазок и любовь к изображениям гофрированных лент, треугольных флагов, кипарисов и геометрических фигур. Все что угодно теснилось в просветах между этими фигурами, только вот прелестных русалок я там не нашел. Зато мое внимание привлекла одна небольшая картина: автор написал старинную виллу в можжевелевой роще.

За моей спиной Нелли продолжала кудахтать, и сквозь ее речь водопадом струились молодежные глаголы: отжигать, зажигать, тусовать... Но чувствовалось, что мысли этой светской космической русалки заняты чем-то весьма далеким от зажигосов, отвисонов и тусычей.

Под завесой прозрачной и курчавой болтовни эта восьмидесятилетняя дама казалась очень собранной и готовой к каким-то неведомым и решительным действиям, о которых мне, скорее всего, никогда не станет известно. Она походила на Джеймса Бонда, вздумавшего притвориться тусовщиком и распиздяем.

— Скажите, Нелли, а где находится эта прекрасная вилла, изображенная на этой картине? — спросил я, обернувшись к разговорчивой хозяйке.

Лицо астрономши на миг утратило свою уверенную светскость и светоносность. Звездочки ее глаз мигнули и померкли, все овраги ее лица подернулись словно бы пушистым туманом. Она смотрела куда-то вниз и вбок, равнодушно и вяло водя старческим пальцем по лакированной крышке шкатулки, которую я сюда доставил. Повисла пауза, когда звучала только струйка чая — тощая Елена Борисовна зависла над чашками, наклонивши над ними пузатый бликующий чайник.

Астрономша Нелли продолжала оцепенело тереть подушечкой пальца крышку шкатулки — дешевая, кстати, на вид шкатулочка, не сказать чтоб старинная, из простенькой светлой древесины, облитая желтым лаком, с неумело выжженной на крышке татарской кибиткой.

Наконец оцепенение схлынуло, и Нелли запоздало удостоила меня ответом, назвав имя того самого курорта, куда я направлялся.

— Прекрасное совпадение! — воскликнул я. — Ведь я как раз туда и еду. Значит, смогу увидеть эту виллу воочию, а она, судя по рисунку, волшебна.

— Волшебная... еще бы... конечно, волшебная! — подхватила Нелли, блестя своими вновь лучащимися глазенками. — Только вот... я там давно не бывала... Возможно, этой виллы

уже и нет. Сейчас ведь все разрушают, все сносят, строят новое — луковое, чесночное, гнилое новое. Иной раз такой отель возведут — красота, да и только. Залюбуешься, залюбуешься, а после и сблеванешь ненароком.

Я заночевал в одной из комнаток этого дома, любезно предоставленной мне для ночлега. А на следующее утро продолжил свой путь к морю.

У меня появилась еще одна причина стремиться туда, куда я стремился. Теперь я желал видеть не только море. Я также мечтал увидеть старинную виллу в можжевеловой роще. Я думал — вдруг у меня получится снять комнату на этой вилле — небольшую, с удлинненным окном. И там, в этой комнате, я останусь на месяц, на два месяца, на три месяца. Перестану замечать, как текут дни, законсервируюсь в можжевеловой реторте. И смесь двух запахов — морского и можжевелового — поможет мне написать задуманный мною роман. Роман на море. Если прочитать это словосочетание наоборот, то получится «ероман на мор». Может, так его и назову? Как если бы я писал на некоем несуществующем славянском языке?

Вообще-то я задумал роман о детстве.

О детстве? О моем, что ли, детстве? О детстве человека, блуждающего по соленым приморским краям под вымышленным именем Кай Нильский?

Или же о детстве некоего Пепперштейна? Или о детстве некоего Паши Пивоварова? Или о детских годах некоего Петра Петербурга? Или о детстве школьника Карла?

Или о детстве мальчиков-эдельвейсов и девочек-люверс? Или о так называемом позднесоветском детстве? Или же о детстве вообще, о феномене детства? Или же о некоем существе среднего рода по имени Детство? Куда, кстати, ушло оно? К ребятам по соседству, где каждый день кино? Да никуда оно не ушло. У нас и сейчас кино. Некоторые фильмы мы вам даже

покажем — из числа тех, которые принято смотреть с закрытыми глазами.

Детство Никиты? Детские годы Багрова-внука? Детство, отрочество, юность? Мои университеты? Детство Марсея? От двух до пяти? Серебряный герб? Серебряные коньки? Серебряное копытце? Оливер Твист? Когда деревья были большими? Когда ботинки были гигантскими? Дэвид Копперфильд? Джейн Эйр? Портрет художника в юности? Другие берега? Письма Деда Мороза? Питер Пэн? Мемуары Муми-сына? Зачарованная зима? Дочь скульптора? Сквозь зеркало и что там увидела Лолита? Мальчики из-под ковра? Девочки из-за шкафа? Мэри Поппинс возвращается? Спортивные состязания в закрытой школе Хогвартс? В сторону Свана? Мальчик-с-пальчик? Девочка со спичками? Стойкий оловянный солдатик? Тимур и его команда? Конduit и Швамбрания? Республика ШКИД? Девочка, которой никогда не было? Повесть о премудром младенце? Дневник эмбриона? Страшные тени счастливого детства? Повесть о рыжей девочке? Сонины проказы? Винни Пух и все-все-все? Мурзилка? Колобок? Курочка Ряба? Крошечка-Хаврошечка? Зигота? След хатифнатта? Детство Вселенной? Краткая история времени? У истоков всего? Книга за книгой? Дом с волшебными окнами? Школьное окно? Палле один на свете? Шум и ярость? Человек, идущий вслед за солнцем? Маленькие огоньки? Милое дитя? Piccoli giganti? Прозрачные ребята? Бибигон? Записки осторожного бейби? Спиногрызы, кореды, шкурки? История дождевой капли? Около молока?